

18+

Ната Чайка

Дрохеда
или
хозяйка
своей судьбы
Часть 1

Ната Чайка

**Дрохеда, или Хозяйка
своей судьбы. Часть 1**

«Издательские решения»

Чайка Н.

Дрохеда, или Хозяйка своей судьбы. Часть 1 / Н. Чайка —
«Издательские решения»,

Это история о второй попытке. О том, что даже в чужом мире, в другом времени можно построить свое счастье — если не бояться отказаться от чужой судьбы. Текст выдержан в манере, близкой к оригиналу Колин Маккалоу — сдержанно, без мелодрамы. Плюс воображение автора. И здесь не будет злодеев и героев в привычном смысле. Будут люди, которые делают выбор — и живут с его последствиями. Первая часть дилогии.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	32
Глава 12	35
Глава 13	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дрохеда, или Хозяйка своей судьбы

Часть 1

Ната Чайка

Иллюстратор artdragongift

© Ната Чайка, 2026

© artdragongift, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-8943-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-8944-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Последним, что помнила Арина, был вкус отвратительного кофе в бизнес зале Шереметьево. Она сидела в кресле, вертя в руках телефон с открытым сообщением от бывшего мужа: «Ты стерва, Арина. Ты забрала у меня все»!

Она усмехнулась. Не все, Сережа. Только то, что заработала сама. Квартира, доля в бизнесе, машина — все осталось при ней. Суд закончился час назад. Впереди был рейс на Бали, две недели тишины и полное отсутствие драмы.

Чтобы убить время, она открыла читалку в телефоне. «Поющие в терновнике». Книга ее детства. Когда-то, в четырнадцать, она рыдала над судьбой Мэгги Клири, мечтая о такой же великой, трагической любви. Теперь, в свои пятьдесят пять с хвостиком, эта книга вызывала у нее только глухое раздражение.

Дура, — думала Арина, перелистывая страницы. — Какая же ты дура, Мэгги. Положила жизнь к ногам мужика в платье, который любил только себя и власть. Терпела, страдала, ждала подачек. Жертвенная овца.

Арина закрыла глаза, чувствуя, как боль запульсировала в правом виске. Давление? Или просто усталость?

Мир накренился. Шум аэропорта превратился в гул, а потом свет в глазах погас...

— Клири! Ты спишь или молишься о чуде?

Резкий окрик, похожий на удар хлыста, заставил ее вздрогнуть.

Арина открыла глаза.

Она ожидала увидеть стюардессу или врача скорой помощи. Но перед ней была облупленная деревянная парта, испещренная глубокими царапинами. В нос ударил запах мела, пыли и сырости — запах бедности, который ни с чем не спутаешь.

Арина подняла голову. Перед ней стояла монахиня. Настоящая, словно из исторического фильма, в черной рясе, с лицом, высеченным из гранита. В руке она сжимала длинную указку.

Вокруг сидели дети. Десятки детей в одинаковой, убогой одежде. В классе было холодно.

— Я задала вопрос, Мэгген Клири! — рявкнула монахиня.

Арина моргнула. Мэгген Клири? Что за бред?

Я сплю, — мелькнула первая мысль. — Перенервничала, перечитала Маккалоу, и вот результат. Очень реалистичный, детальный кошмар.

Она попыталась встать, но тело... Тело ощущалось странно. Легкое, маленькое, неуклюжее. Колени уперлись в скамью там, где не должны были.

Она посмотрела на свои руки.

Это были не ее руки.

Вместо ухоженных пальцев с безупречным маникюром и дорогим кольцом на среднем пальце, она увидела маленькие, красные, обветренные детские ладошки. Ногти были коротко обстрижены, под ними въелась грязь. На тонком запястье — старый синяк.

Паника ударила в солнечное сплетение ледяным кулаком.

— Простите, сестра, — голос тоже был чужим. Тонким, детским, с незнакомым акцентом. — Мне нужно выйти. Меня тошнит.

— Неженка, — фыркнула монахиня, и класс захихикал. — Иди. И приведи себя в порядок. Твои волосы снова растрепаны, как у дикарки. Позор для католической школы!

Арина выскочила в коридор. Ноги заплетались в длинных, грубых чулках, которые сползали при каждом шаге.

В коридоре висело зеркало — мутное и старое, в пятнах ртути.

Она подошла к нему, боясь поднять глаза. Сердце колотилось где-то в горле.

Из зеркала на нее смотрела девочка лет девяти. Огненно-рыжие волосы, спутанные и неопрятные, бледное лицо, усыпанное веснушками, и огромные серые глаза, в которых сейчас плескался ужас от осознания ситуации. Платье на ней было застиранным, серого цвета, явно с чужого плеча.

— Мэгги, — прошептала Арина. — Твою мать...

Это была она. Та самая жертвенная овца, которую Арина так презирала.

Что это? Кома? Я умерла в аэропорту? Или у меня шизофрения?

Она ущипнула себя за руку. Больно. Реально больно.

Она вспомнила дату на календаре в классе: 1915 год. Новая Зеландия. Задница мира.

Впереди у этой девочки была жизнь, полная унижений. Бедность, многодетная семья, где на нее всем плевать, кроме старшего брата Фрэнка. Отец, который стогит заживо. Еще один любимый брат, которого задерет кабан. И Ральф. Ральф де Брикассар, который выпьет ее молодость до дна и разобьет душу на мелкие осколки ради кардинальской шапки.

Глупая легенда о птице, бросающейся грудью на шип терновника, чтобы спеть лучшую песню и содохнуть!!!

Арина прислонилась лбом к холодному стеклу.

Пусть ей было уже за пятьдесят. У нее была трудная жизнь, она пережила тяжелый развод. Она была свободна, богата и независима. А сейчас она снова стала никем.

— Нет, — сказала она тихо. — Я не буду петь в терновнике.

Злость, холодная и расчетливая, вытеснила панику.

Она ненавидела Мэгги за ее слабость. За то, что та позволяла вытирать о себя ноги. За то, что считала страдание добродетелью.

Но теперь Мэгги — это она. Арина.

И Арина не умеет страдать. Арина умеет управлять, планировать и побеждать.

— Хорошо, Вселенная, — прошептала она отражению, во взгляде которого больше не было страха забитого ребенка. — Ты хочешь сыграть в эту игру? Давай. Но правила буду устанавливать я.

Никакого Ральфа. Никакого Люка О'Нила. Никаких смертей.

Она знает будущее. Она знает про 13 миллионов фунтов Мэри Карсон.

— Я вырублю этот чертов терновник под корень, — сказала Арина и впервые улыбнулась. Улыбка на детском лице выглядела очень хищной.

Дверь класса распахнулась, и выглянула монахиня:

— Клири! Ты там умерла?

Арина развернулась. Она расправила плечи, поправила воротник убогого платья так, словно это был пиджак от Шанель.

— Я жива, сестра, — спокойно ответила она голосом, в котором звенела сталь. — Живее всех живых.

Монахиня отшатнулась, наткнувшись на ее взгляд. В глазах маленькой Мэгги Клири больше не было покорности. Там горел огонь, который мог сжечь не только Дрохеду, но и сам Ватикан.

Глава 2

Дорога от школы до дома превратилась в изнурительный марафон. Плечо оттягивала потрепанная холщовая сумка, внутри которой глухо стучала о грифельную доску пустая жестянка из-под обеда, а грубые ботинки нещадно растирали пятки. Хуже всего был диссонанс: мозг Арины отдавал четкие команды идти быстрее, но маленькие, слабые ноги в растянутых чулках заплетались. Она чувствовала себя оператором огромного, неуклюжего механизма, у которого наполовину перерезаны провода.

Когда впереди показался дом, Арина едва сдержала стон. В книге он казался романтически-суровым, но реальность пахла прогорклым жиром, сыростью и безнадеей. Серая лачуга, вцепившаяся в землю Новой Зеландии, словно боялась, что очередной порыв ветра унесет ее в океан.

На кухне было шумно. Братья — Боб, Джек, Хьюги — напоминали стаю голодных щенков. Они толкались, громко разговаривали и ржали над своими немудреными грубыми шутками, стуча ложками по обшарпанному столу.

У плиты замерла серая тень.

Арина остановилась в дверях, глядя на мать. Фиа. Читая книгу она представляла мать семейства как заколдованную ледяную принцессу. Здесь Арина увидела женщину, выжатую досуха. Но даже когда Фиа помешивала варево в огромном чане, она держала спину неестественно прямо. В том, как ее огрубевшие пальцы сжимали ручку поварешки, проглядывала ломаная, призрачная грация. Это было не смирение крестьянки, а выдержка узника, приговоренного к пожизненному заключению.

— Мэгги, где ты ходишь? — Голос Фии был сухим, как прошлогодняя трава. — Берись за картошку.

Арина не стала лепетать оправдания. Она аккуратно поставила сумку в угол — не бросила, а именно поставила, как привыкла ставить свою дорожную сумку в офисе.

— Я сейчас переоденусь и помогу, мама, — ответила она.

Голос прозвучал слишком ровно, слишком по-взрослому. Фиа вздрогнула и на секунду обернулась. В ее пустых глазах мелькнуло секундное замешательство, словно она услышала эхо своего собственного, давно забытого голоса.

— Иди, — бросила она и снова отвернулась к плите.

Через пять минут Арина, переодетая в старое домашнее платье, стояла у стола. Нож в детской руке ощущался тяжелым и неповоротливым.

— Эй, Рыжая! — Боб, проходя мимо, с силой толкнул ее плечом.

Арина пошатнулась. Маленькое тело едва не влетело в стол, колено прошила острая боль от удара о скамью. Вспышка ярости была мгновенной — холодной, «взрослой» яростью человека, который не привык к физическому насилию.

Она не вскрикнула. Она медленно выпрямилась, положила ладонь на край стола, чтобы унять дрожь в коленях, и подняла взгляд на брата. Бобу пришлось замолчать — на него смотрела не младшая сестренка, а кто-то другой, злой и очень опасный.

— Еще раз ты меня тронешь, Боб, — сказала она почти шепотом, который полоснул по ушам громче крика, — получишь ножом в ногу. Я не шучу.

Она не просто угрожала. Она смотрела на его ногу так, словно уже выбирала точку для удара. Нож в ее тонких пальцах замер, направленный острием в его сторону.

Боб поперхнулся смехом. Его лицо, только что полное глумливого торжества, вытянулось. Он привык, что Мэгги либо плачет, либо бежит жаловаться Фрэнку. Но эта девочка не собиралась бежать.

— Тебя, что, бешеная кошка покусала? — пробормотал он, непроизвольно делая шаг назад. — Шуток не понимаешь?

— Я понимаю только язык силы, — отрезала Арина. — Хочешь проверить, чья сильнее? Сядь. И закрой рот.

В этот момент дверь распахнулась, впуская холодный воздух и запах мужского пота. Вошли Пэдди и Фрэнк.

— Что за тишина? — Пэдди оглядел сыновей, которые сидели непривычно смиренно. — Неужто молитву вспомнили?

— Мэгги... она того, пап, — буркнул Джек, косясь на сестру. — Бобу ножом грозила.

Пэдди подошел к дочери. Его рыжая борода была в пыли, а от тяжелой руки пахло овчинами. Арина не опустила глаз. Она продолжала чистить картошку, хотя пальцы ныли от холодной воды.

— Это правда, Мэгги? — спросил Пэдди. В его голосе Арина услышала не гнев, а странное, глубокое любопытство.

— Правда, папа. Я работаю наравне с парнями. И я не позволю им превращать мою жизнь в ад только потому, что я меньше ростом. Если они не понимают слов, я буду учить их по-другому.

Пэдди долго смотрел на нее. Арина видела, как в его глазах меняется выражение: от удивления к смутной тревоге, а затем к неожиданному, почти болезненному признанию. Он перевел взгляд на Фию, потом снова на дочь.

— Ишь ты... — выдохнул он. — Прямо как твоя мать в день нашего знакомства. Такая же гордячка.

Он хотел потрепать ее по голове, но его рука замерла в воздухе, так и не коснувшись рыжих волос. Арина стояла так прямо, что этот снисходительный жест показался ему неуместным. Он просто хмыкнул и пошел умываться.

Фрэнк, все это время стоявший в тени у двери, не проронил ни слова. Его темные глаза горели. Он смотрел на Арину так, словно видел ее впервые. Раньше она была его обузой и его сердцем, существом, которое нужно защищать от всего мира. Теперь он видел в ней... Кого?

Ужин был отвратительным. Водянистая картошка, кусок жесткого, пересоленного мяса. Арина жевала медленно, заставляя себя глотать.

«Это не еда. Это углеводы и белок. Топливо. Мне нужно, чтобы этот организм вырос крепким. Никаких обмороков и чахотки», — думала она, глядя в тарелку.

Она украдкой наблюдала за семьей. Фрэнк... На его костяшках запеклась кровь. Он снова дрался. Его энергию и ярость нужно перенаправить. Пэдди... он добр, но ограничен. Фиа... Арина видела, как мать берет хлеб — едва касаясь его кончиками пальцев, словно это была изысканная закуска на приеме. Она не сдалась окончательно, она просто закрылась, выполняя рутинную домашнюю работу почти на автомате.

После ужина Арина поднялась в свою каморку. На подоконнике валялась старая тряпичная кукла — Агнесса. Единственная любовь прежней Мэгги.

Арина взяла ее в руки. Мягкая, набитая опилками, с пуговицами вместо глаз. Она почувствовала мимолетный укол нежности к этой игрушке, оставшийся от прежней хозяйки тела, но тут же подавила его.

— Прости, подруга, — прошептала она кукле. — У нас нет времени на чаепития.

Она не выбросила ее. Наоборот, она аккуратно уложила куклу на кровать и прикрыла одеялом. Пусть все думают, что маленькая Мэгги все еще здесь, играет в свои девичьи игры. Кукла станет ее идеальным алиби. Пока «девочка» спит в обнимку с игрушкой, Арина будет считать, планировать и ждать своего часа.

Она посмотрела в окно на темные холмы Новой Зеландии.

«Я поднималась в девяностые, а тогда в России было пожестче чем в этой глуши, — подумала она, засыпая. — Справлюсь и тут... Тем более прекрасно знаю на какие грабли наступать не стоит.»

Глава 3

Арина медленно привыкала к новым реалиям. Вечера в доме Клири всегда были очень напряженными. Пэдди как обычно сидел в кресле, курил трубку и читал газету. Мальчишки разбежались кто куда. Фиа укладывала спать малышей.

А Фрэнк... Фрэнк метался по комнате, как тигр в клетке.

Арина сидела за столом, делая вид, что штопает рубашку одного из братьев, но на самом деле наблюдала. Она видела, как напрягаются плечи Фрэнка каждый раз, когда Пэдди кашляет или переворачивает страницу. Ненависть в этой комнате была почти осязаемой.

Арина знала причину. Тайна рождения Фрэнка висела над этой семьей дамокловым мечом. Он был сыном Фиа от другого мужчины, от богатого политика из прошлого, до того, как она вышла замуж за Пэдди. Пэдди принял его, дал свою фамилию, но не принял его. Фрэнк был живым напоминанием о том, что Фиа любила кого-то другого. А Фрэнк... Фрэнк чувствовал, что он чужой. Пэдди придирался к нему больше, чем к другим, требовал больше. А для Фрэнка Пэдди был не отцом, а тюремщиком.

В книге он просто сорвался, — вспомнила она. — Избил отца и сбежал. Стал бродягой, боксером. Сломал себе жизнь. Тридцать лет тюрьмы...

Фрэнк остановился у окна, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. Пэдди поднял на него взгляд вверх газеты.

— Сядь, парень. Не мельтеши. Ты заслоняешь свет.

— Не указывай мне! — рыкнул Фрэнк.

Пэдди медленно отложил газету.

— Пока ты живешь в моем доме и ешь мой хлеб...

— Будто у меня есть какой-то выбор? — Фрэнк шагнул к отцу. — Я ненавижу этот дом! И тебя ненавижу!

Арина поняла: сейчас рванет.

Она с грохотом смахнула рукой со стола пустую железную миску. Звук был резким, как выстрел. Оба мужчины вздрогнули и повернулись к ней.

— Фрэнк, мне нужна твоя помощь, — сказала она ледяным тоном. — Сейчас.

Фрэнк моргнул, сбитый с толку.

— Чего? Мэгги, не лезь...

— Мне нужно кое-что перенести во дворе. Тяжелое. Ты единственный здесь, у кого хватит сил.

Она встала и подошла к брату, бесстрашно взяв его за руку. Его рука была напряжена, как камень, горячая и дрожащая от ярости.

— Идем, — приказала она.

Фрэнк посмотрел на Пэдди, потом на сестру. Злость в его глазах боролась с привычкой опекать малышку Мэгги.

— Ладно, — выдохнул он. — Идем.

Они вышли в прохладную ночь. Арина повела его подальше от дома, к старому забору, за которым начинались холмы.

Фрэнк остановился, шумно втягивая носом воздух.

— Ну и что тебе надо перенести? — спросил он, все еще кипя.

— Ничего, — спокойно ответила Арина. — Я просто не хотела, чтобы ты наделал глупостей.

Фрэнк дернулся, словно его ударили.

— Ты не понимаешь, Мэгги! Он... Он смотрит на меня так, будто я пустое место! Как на грязь!!! Как на вонючего клопа!! Он ударил кулаком по столбу забора. Дерево затрещало.

— И что дальше? — спросила Арина.

Фрэнк замер.

— Что?

— Ты ударишь его. Может, даже покалечишь. Он не такой крепкий как кажется, а ты сильный. Дальше что? Тебя арестуют. Тюрьма. На сколько? Лет на пять? Десять?

— Я сбегу! — выкрикнул Фрэнк.

— Куда? — жестко спросила она. — Бродяжничать? Спать под мостом? Драться за еду? Ты этого хочешь? Опуститься на самое дно? Или еще ниже?

— Я и так уже на самом дне! — его голос сорвался. В нем звучала такая боль, что сердце Арины сжалось. Это был голос человека, который не знает, кто он и зачем живет. — Я не Клири, Мэгги. Я чужой. Я вижу это в его глазах. Я... ублюдок. Мать молчит, а он... он меня презирает.

Арина подошла ближе. Теперь она смотрела ему в глаза снизу вверх, но Фрэнку казалось, что она стала выше ростом.

— Ты мой брат. И ты самый сильный человек в этой семье. Пэдди тебя не любит? Да плевать. Он дает нам крышу и еду. Это можно использовать...

Фрэнк смотрел на нее, открыв рот. Мэгги никогда так не говорила.

— Ты хочешь уйти? Отлично. Но уходить надо не так. Если ты уйдешь сейчас, ты проиграешь. Мир просто раздавит тебя и Пэдди победит.

— Откуда в тебе это? — прошептал он. — Ты говоришь странные вещи...

— Я просто выросла, — Арина сделала шаг ближе. — Нам нужно время. Нам нужны ресурсы. Если ты хочешь свободы, ты должен ее купить. И я знаю, как мы это сделаем. Но для этого ты должен остаться здесь и терпеть. Сможешь?

— Терпеть? Купить? — тупо переспросил он. — У нас ни гроша.

— Пока ни гроша, — поправила Арина. — Но мы это исправим. У тебя золотые руки, ты можешь не только кулаками махать, но и работать. Тяжело работать.

— Ну и что?

— А то, что мир меняется, Фрэнк. Появится еще больше машин, разных новых механизмов, техники. Ее нужно будет чинить.

Она взяла его за руку. Теперь ее прикосновение было твердым и уверенным.

— Послушай меня. Не трать свою ярость на отца. Он того не стоит. Трать ее на себя. Учись. Копи злость, чтобы вырваться отсюда наверх, а не на дно. Я помогу тебе.

Фрэнк молчал. Ветер трепал его черные волосы. Он впервые увидел в сестре не жертву, которую надо защищать, а союзника.

— Ты странная сегодня, Мэгги, — пробормотал он. — Будто выросла за одну ночь.

— Пришлось, — усмехнулась Арина. — Детство закончилось, Фрэнк. Теперь мы играем по-взрослому. Ты со мной?

Фрэнк выдохнул. Напряжение ушло из его плеч.

— С тобой, малышка. Всегда с тобой.

— Тогда пошли в дом. И, ради бога, игнорируй отца. Считай, что он — сломанный радиоприемник. Шумит, но смысла ноль.

Фрэнк вдруг фыркнул. Потом рассмеялся — коротко, но искренне.

— Радиоприемник... Точно.

Они вернулись в дом. Пэдди все еще читал газету. Он поднял глаза, ожидая продолжения скандала.

Но Фрэнк спокойно прошел мимо него и сел в угол, вертя в руках какую-то железку. Пэдди удивленно поднял бровь и посмотрел на дочь.

Арина невинно улыбнулась и опять принялась за штопку...

Глава 4

Воскресенье в доме Клири пахло нафталином, дешевым мылом и подавленной яростью. Утренняя месса была обязательным спектаклем с участием всей семьи: Пэдди в ключевом костюме, мальчишки с приглаженными вихрами и Фрэнк — темная туча, готовая разразиться громом прямо под сводами храма.

Вернувшись, мужчины разошлись по своим делам. Для женщин же выходных не существовало.

На кухне царил душный полумрак. Фиа сидела за столом, перед ней высилась гора чечевицы. Она перебирала крупу, отделяя зерна от мелкого сора. Движения ее были ритмичны — взять, проверить, бросить. Этот механический труд был ее единственным укрытием от мыслей.

Арина села напротив. На ней было воскресное платье, но теперь оно выглядело иначе: вчера она до поздней ночи отстирывала и отпаривала воротничок над чайником, пока ткань не стала почти белой, а затем штопала мелкие дырочки так тщателью, что их не находили даже придирчивые глаза матери. Огненно-рыжие волосы, обычно взъерошенные, как копна сена, были заплетены в две тугие, аккуратные косы.

Фиа мельком взглянула и, в ее пустых прежде глазах, мелькнуло узнавание: будто она увидела не ребенка, а то прежнее упрямство, которое когда-то принадлежало ей самой.

— Помоги мне, — сухо бросила Фиа, пододвигая часть крупы.

Арина запустила пальцы в миску. Зерна были прохладными и гладкими.

— Мама, — начала она тихо.

Фиа не ответила, продолжая работу. Она умела молчать так, что собеседник чувствовал себя невидимкой.

— Мама, посмотри на меня... Нам нужно поговорить о Фрэнке.

Рука Фии на секунду дрогнула. Ритм в пальцах не сбился — она все так же перебирала чечевицу, но взгляд стал суше.

— Фрэнк — взрослый парень, Мэгги. Ему не нужны советы девчонки.

— Ему нужно, чтобы ты перестала смотреть на него так, будто он ходячее напоминание о твоём позоре.

Арина резко высыпала горсть чечевицы на стол. Зерна разлетелись веером, разрушая выверенный порядок. Фиа замерла. Медленно, словно через силу, подняла голову.

— Что ты сказала?

— Я знаю, кто ты, мама. Я знаю про Сидней. Про Армстронгов. И про того человека, из-за которого твоя семья предпочла считать тебя мертвой — и выдать замуж за простого работягу.

Воздух в кухне будто выкачали насосом. Фиа побледнела так, что кожа на скулах стала прозрачной, как пергамент. Горсть чечевицы выпала из пальцев и рассыпалась по полу — сухой, костяной звук.

— Кто... Пэдди рассказал? — прошептала она. В голосе Арина услышала не гнев, а первобытный ужас. — Он клялся... до могилы будет молчать.

— Пэдди — честный человек. Он молчит. Но я — не Пэдди.

Арина накрыла ладонью руку матери. Рука Фии была ледяной.

— Я вижу все, мама. Твой французский выговор, когда ты читаешь нам книги. То, как ты держишь вилку. Твою спину — ты не гнешься даже перед корытом с грязным бельем. Но ты превратила наш дом в личную Голгофу. Ты наказываешь себя за то, что когда-то посмела чувствовать.

Фиа попыталась вырвать руку, но Арина сжала ее крепче. В этот момент в теле ребенка жила воля пятидесятипятилетней женщины — той, что видела сотни трагедий и знала цену каждой.

— Ты ненавидишь эту жизнь, мама. И Фрэнк это чувствует кожей. Он думает, что ты ненавидишь его. Он видит в твоём молчании не скорбь — брезгливость. Если ты не заговоришь с ним сегодня, завтра он уйдет. Уйдет в никуда, чтобы больше не видеть твои глаза, полные вины. Ты хочешь потерять его второй раз? Сначала его отца. Потом сына?

Фиа всхлипнула — коротко, сухо, будто в горле застрял острый осколок.

— Я не... я не могу, Мэгген, — выдохнула она, впервые назвав дочь полным именем. — Это слишком больно. Я заперла эту дверь пятнадцать лет назад.

— Ключ все еще у тебя, — Арина наклонилась ближе, ловя взгляд матери. — Хватит быть тенью. Фрэнку не нужна святая мученица. Ему нужна мать. Женщина, которая скажет: Ты — не ошибка. Ты — мой сын.

— Ты хочешь, чтобы я снова стала собой? — тихо спросила Фиа, будто проверяя, не сорвется ли голос.

— Вспомни, кто ты, Фиона Армстронг! Ты умела управлять поместьем, людьми. Начни управлять своей семьей.

Фиа долго смотрела на их сцепленные руки: маленькую, детскую ладонь и свою — огрубевшую, с ногтями, истерзанными работой. Потом медленно выпрямилась. Печаль с лица не исчезла — но в ней появилось достоинство.

— Ты пугаешь меня, дочь, — тихо сказала она. — Сейчас мне кажется, что тебя кто-то подменил.

— Считай, что я — твоё второе «я», которое проснулось, чтобы спасти нас всех, — Арина едва заметно улыбнулась. — Поговори с Фрэнком сегодня. После ужина, когда Пэдди уйдет покурить на крыльцо. А потом найди силы поговорить и с Пэдди. Не делай его своим тюремщиком.

Фиа кивнула. Она потянулась к рассыпанной чечевице и начала медленно собирать ее обратно в миску. Теперь в движениях не было прежнего автоматизма — будто она заново осваивала пространство своего дома.

— Хорошо. Я поговорю. А теперь... — она замялась, подбирая слова. — Теперь закончи с этой миской.

Она подняла глаза:

— И, Мэгги... твои косы. Они слишком аккуратные.

— Это плохо? — осторожно спросила Арина.

— Это красиво, — поправила Фиа. — Завтра я поищу для тебя синюю ленту. Под твои глаза.

Тепло разлилось в груди Арины — забытое, почти детское. Первая трещина в леднике. Самая важная.

— Спасибо, мама.

Они продолжили работу в тишине. Снаружи Пэдди раскуривал трубку, братья спорили во дворе, а в этой маленькой кухне — менялось будущее их рода. Терновник еще рос вокруг, но птица уже отказалась бросаться на шип. Она предпочла свить гнездо под его защитой.

Глава 5

Сентябрь в Новой Зеландии — время обманчивое. В календаре значилась весна, но зима отступала неохотно, цепляясь ночными заморозками за пожухлую траву холмов. Местные фермеры не спешили: они знали, что коварный южный ветер может погубить ранние всходы за одну ночь.

Но Арина не могла ждать. Для нее сентябрь пах не только сыростью и мокрой шерстью, но и деньгами.

Она стояла на заднем дворе, кутаясь в старую шаль матери, и смотрела на пустырь за сараем. Это место было позором семьи Клири: свалка старых досок, ржавых ведер и камней, поросшая крапивой.

— Три акра, — прикинула она. — Три акра земли, которая простаивает, пока мы едим пустую кашу. Это преступление.

Тем более, когда у нее есть то, что нужно для старта.

Она нашла их случайно, когда помогала матери разбирать старый хлам в кладовой. В пыльном углу, под горой рваной мешковины, стояла жестяная коробка с надписью «Yates' Reliable Seeds». Внутри, в бумажных пакетиках, перетянутых почерневшей резинкой, дремала жизнь: семена редиса, салата и гороха, купленные Фиа еще в прошлой жизни, когда она еще надеялась на что-то.

— Они старые, мама. Ты не против, если я попробую их оживить? — спросила Арина.

Фиа лишь равнодушно пожала плечами:

— Земля их не примет, Мэгги. Здесь камни вместо почвы.

«Посмотрим», — подумала Арина.

Вечером, когда Пэдди вернулся с работы и сел ужинать, Арина положила перед ним лист бумаги.

— Что это? — Пэдди прищурился, разглядывая кривые линии.

— План, папа. Я хочу расчистить пустырь за сараем и посадить огород. Не для нас. На продажу.

Боб, сидевший рядом, фыркнул, чуть не подавившись куском хлеба.

— Огород? Сейчас? Мэгги, ты головой ударилась? На дворе сентябрь, земля еще холодная. Ничего не вырастет. Мы стригунки, а не копатели грязи.

— Стрижка — сезонная работа, — спокойно парировала Арина. — А есть люди хотят каждый день. В городе свежий редис стоит два пенса за пучок. Салат — три. Если мы начнем сейчас, пока у остальных еще пусто, мы снимем сливки. К ноябрю у нас будут первые деньги.

Пэдди отложил ложку. Он выглядел усталым.

— Мэгги, дочка, это тяжелый труд. Земля там каменистая, мертвая. И заморозки побьют все. Ты надорвешься, а толку не будет.

— Я знаю про заморозки, — кивнула Арина. — Поэтому мы не будем просто кидать семена в грязь. Мы сделаем умные грядки. Нам нужен навоз — его у соседей горы, они его выбрасывают. Нам нужны старые рамы со стеклами.

Она обвела взглядом братьев. Джек и Хьюги закатили глаза. Стюарт, как всегда, молчал, уткнувшись в книгу.

— Я не собираюсь ползать на коленях в грязи ради твоих фантазий, — заявил Джек. — Мэгги хочет поиграть в ферму? Пусть играет с куклами.

Арина медленно выдохнула. Ладно, попробуем по-другому.

Она повернулась к отцу.

— Папа, давай заключим пари.

В комнате повисла тишина. Пари в доме Клири были делом редким и серьезным.

— Пари? — Пэдди нахмурился, но в его глазах блеснул интерес азартного ирландца. — На что?

— Если к началу лета, к декабрю, я принесу в дом пять фунтов чистой прибыли с этого огорода... — Арина сделала паузу, — ...ты признаешь мое право голоса на семейном совете. Наравне с тобой и Фрэнком. И никто больше не посмеет сказать мне иди поиграй с куклами.

Боб захохотал.

— Пять фунтов?! Да ты и шиллинга не заработаешь! Пап, соглашайся, это легкая победа.

Пэдди посмотрел на дочь. Она стояла перед ним, маленькая, рыжая, упрямая. В ней была такая уверенность, какой он не видел даже у взрослых мужиков.

— А если проиграешь? — спросил он.

— Тогда я буду молча чистить картошку и штопать носки до самого замужества. И слова поперек не скажу.

— Идет, — Пэдди ударил ладонью по столу. — Даю тебе пустырь. Но помощи от старших не жди. Справляйся сама.

На следующее утро работа закипела.

Лопата была тяжелой, ржавой и совершенно не подходила для детских рук. После первых десяти минут попыток копать ладони Арины покрылись водянистыми мозолями, а спину прострелило так, что потемнело в глазах.

«Черт бы побрал это детское тело! — злилась она, вытирая пот грязным рукавом. — Ноги как спички, сил — как у воробья. Я не вывезу это физически. Значит, буду работать головой».

Арина осознала: одна она не справится. Ей нужна была рабочая сила. Дешевая и мотивированная.

Она нашла Стюарта и малыша Хэла за сараем.

— Эй, парни, — сказала она заговорщицким шепотом. — Хотите леденцов? Настоящих, мятных?

Глаза мальчишек загорелись. Сладости в этом доме видели только по большим праздникам.

— Откуда? — недоверчиво спросил Стюарт.

— У меня есть план. Но мне нужна ваша помощь. Вы работаете на меня, а я плачу вам процентом от прибыли. Сладостями. А если наше дело развернется... то и книгами, Стюарт. Я куплю тебе новую книгу. Или что вы захотите.

Сделка состоялась.

Три недели они вкалывали как проклятые. Арина не копала сама — она понимала, что детское тело не выдержит. Она показывала, где рыть, как укладывать навоз, где ставить рамы. Землю ворочали Фрэнк по вечерам (в обмен на долю) и мальчишки, которых она подкупила леденцами. Сама Арина только рыхлила уже подготовленные грядки — по часу в день, не больше, — и следила, чтобы все шло по плану. Ее руки все равно покрылись мозолями, но спина выдержала.

Мальчишки таскали тачки с навозом от соседа О'Нила. Тот только посмеивался, глядя, как девочка забирает «беспольное дерьмо».

Арина использовала свои знания, адаптированные под местные условия. Она сделала «теплые грядки»: вырыла траншеи, заложила туда ветки, преющий навоз, сверху землю. Процесс гниения давал тепло снизу, защищая корни от холода земли.

Сверху она установила старые оконные рамы, которые нашла на свалке, создав примитивные парники. Это была защита от ледяного ветра.

Братья смеялись над ней, проходя мимо.

— Смотрите, кроты роют! Стекланные гробы строят! — кричал Боб.

Арина не отвечала. Она только сжимала челюсти и продолжала рыхлить землю. Ее руки были в мозолях, спина ныла, но каждый зеленый росток, пробивавшийся сквозь черную почву под стеклом, был маленькой победой над климатом и бедностью.

Арина ежедневно проверяла всходы. Редис «Французский завтрак» — длинные рубиновые плоды с белыми хвостиками — уже выпирал из земли. Салат-латук развернул сочные, гофрированные листья.

К середине октября, когда у соседей поля только начали зеленеть, случилось чудо.

Грядки Арины ломались от урожая. Под стеклом, в тепле и уюте, вырос сочный, хрустящий редис, упругий салат и ранний лук-перо.

В пятницу, перед рынком, она подвела Фрэнка к своим грядкам.

Он стоял, глядя на это изобилие, и в его глазах читалось недоумение.

— Ты... ты обманула природу, Мэгги.

— Нет, Фрэнк. Я просто заставила ее работать на нас. Поможешь мне? Завтра в городе мы будем единственными, у кого есть хоть что-то свежее. Люди соскучились по витаминам.

Фрэнк улыбнулся — той самой редкой улыбкой, от которой его лицо становилось невероятно красивым.

— Помогу, сестренка. Ради такого дела — помогу.

Арина до поздней ночи отмывала каждый пучок зелени, каждую редисочку в ледяной воде ручья.

Рано утром скрипучая телега выехала со двора. Арина сидела на козлах, чувствуя, как ноют натруженные мышцы ее детского тела, но в ее кармане уже мысленно звенели те самые пять фунтов — заработок ее отца за целый месяц тяжелой работы...

Она знала: это не просто овощи. Это ее первый шаг в этом мире на пути к цели. Колеса скрипели по замерзшей грязи, но Арине казалось, что они поют.

Глава 6

Рынок гудел, как растревоженный улей. Пахло лошадиным потом, навозом, свежим хлебом и сырой рыбой. Местные фермеры, угрюмые мужики в пропотевших рубахах, стояли за своими прилавками молча, скрестив руки на груди, словно делали одолжение, продавая свой товар. Их жены, в серых платках, сидели рядом, не поднимая глаз.

Фрэнк припарковал телегу в самом конце ряда.

— Ну и дыра, — буркнул он, оглядывая толпу. — Тут никто ничего не купит. У всех свои огороды есть.

— У них есть капуста и старая картошка, — возразила Арина, спрыгивая на землю. — А у нас — весна. Помоги мне выгрузить корзины.

Арина не стала прятаться за телегой. Она выставила товар на самое видное место. Ярко-красный редис, омытый водой, сиял, как драгоценные камни. Зеленый салат выглядел так аппетитно, что его хотелось съесть прямо сейчас.

Но главное — Арина не молчала.

— Свежая зелень! Первый урожай! — ее звонкий голос перекрывал гул толпы. — Редис свежий, хрустящий! Первый урожай! Салат нежный, как поцелуй! Подходите, пробуйте!

Прохожие останавливались. Они привыкли к молчаливым продавцам. А тут — маленькая рыжая девочка, которая улыбалась им так, словно они были ее лучшими друзьями.

— Сколько за пучок? — спросила полная женщина с кошелкой.

— Три пенса, мэм! — отчеканила Арина. — Но если возьмете три пучка — отдам за восемь. И добавлю веточку лука в подарок. Для аромата.

Женщина удивилась. Скидка? Подарок? Это было что-то новенькое.

— Давай три, — махнула она рукой.

Торговля пошла. Арина использовала все трюки из своего прошлого. Она делала «бандлы» — наборы для салата. Она давала пробовать. Она говорила комплименты уставшим хозяйкам и шутила с их мужьями.

Фрэнк стоял рядом, скрестив руки, и смотрел на сестру с откровенным изумлением. Он видел, как монеты со звоном падают в жестяную банку.

Вдруг толпа расступилась. К прилавку подошла дама. На ней была шляпка с искусственными цветами, перчатки и пальто из хорошей шерсти. За ней семенила служанка с корзиной.

Это была миссис Эшби, жена владельца местной лесопилки, самая богатая женщина в округе.

Она брезгливо оглядела ряды с грязной картошкой и остановилась перед лотком Арины.

— Хм, — произнесла она, разглядывая редис через лорнет. — Выглядит неплохо. Откуда это у вас, девочка?

Арина выпрямила спину. Она знала этот тип женщин. С ними нельзя лебезить, но и хамить нельзя. Нужно держать марку.

— Доброе утро, мэм. Это с нашей фермы Клири. Выращено под стеклом, по особой технологии. Без червей и гнили.

Миссис Эшби подняла бровь.

— По особой технологии? Ты говоришь слишком умно для фермерской дочки.

— Ум не зависит от происхождения, мэм, — вежливо, но с достоинством ответила Арина. — У нас лучший товар на рынке. Можете проверить.

Дама сняла перчатку и взяла пучок салата. Листья были безупречны.

— Действительно, — признала она. — Сколько?

— Для вас — шесть пенсов за пучок, — не моргнув глазом, назвала Арина цену в два раза выше обычной.

Фрэнк за спиной поперхнулся воздухом.

— Шесть?! — возмутилась миссис Эшби. — Вон там продают за два!

— Там продают траву для кроликов, мэм, — спокойно парировала Арина. — А это — отборный сорт. К тому же, я вижу, что вы цените качество. Если вы возьмете все, что осталось, мой брат доставит корзину прямо к дверям вашей кухни.

Миссис Эшби посмотрела на Фрэнка. Высокий, мрачный красавец в потертой, но чистой рубашке.

— Твой брат? — переспросила она, и ее взгляд смягчился. — Что ж... сервис стоит денег. Я беру все.

Когда они отъезжали от особняка Эшби, карман Арины оттягивала тяжелая горсть монет.

Фрэнк молчал всю дорогу до дома. Только когда они въехали во двор, он покачал головой и сказал:

— Ты ведьма, Мэгги. Честное слово, ведьма. Ты продала ей эту траву по цене золота.

— Я продала ей чувство исключительности, Фрэнк, — улыбнулась Арина. — Богатые люди любят платить за то, чтобы чувствовать себя особенными. Запомни это.

Перед тем как войти в дом, Арина завернула за сарай, где Стюарт и Хэл ждали ее с плохо скрываемым нетерпением.

Она положила перед ними бумажный кулек. Внутри — шесть мятных леденцов, белых, с зелеными полосками. Хэл схватил один и засунул в рот целиком, зажмурившись от счастья.

Потом Арина достала из-под шали книгу — подержанную, с потрепанным корешком, но настоящую. «Остров сокровищ».

Стюарт взял ее обеими руками, как держат птенца.

— Это... мне? — прошептал он.

— Заработал, — сказала Арина. — Честно заработал. И вот еще — ваша доля. Семь шиллингов на двоих.

Она положила монеты на землю между ними. Мальчики смотрели на серебро так, будто видели его впервые.

— В следующем сезоне, — добавила Арина, — доля будет больше. Если вы со мной.

— Мы с тобой, — сказал Стюарт, не отрывая глаз от книги.

Вечером семья собралась за столом. Пэдди ел молча, ожидая рассказа о провале. Боб ухмылялся, готовясь позлорадствовать.

Арина подошла к столу. Она достала холщовый мешочек и перевернула его.

На грубые доски посыпались монеты. Серебро, медь... и даже одна бумажная купюра.

Звон был оглушительным в тишине кухни.

— Семь фунтов, двенадцать шиллингов и четыре пенса, — объявила Арина. — Чистая прибыль. За вычетом доли Стюарта и Хэла.

Пэдди замер с ложкой у рта. Боб перестал жевать. Фиа ахнула и прижала руку к груди. Семь фунтов! Это было почти столько, сколько Пэдди и Фрэнк зарабатывали за месяц тяжелой работы.

— И вот это, — Арина отложила отдельно несколько монет, — для Фрэнка. За доставку, за помощь. И за то, что поверил первым.

— Откуда... — прохрипел отец. — Ты что, украла?

— Я заработала, папа. Как и обещала. На том самом «мертвом» пустыре.

Арина пододвинула кучку денег к отцу.

— Это в семейный бюджет. На муку, сахар и новые ботинки для мамы.

Пэдди медленно поднял глаза на дочь. В них больше не было снисходительности к «любимой куколке». В них был шок. И уважение. Мужское уважение к добытчику.

— Ты выиграла, — тихо сказал он. — Ты выиграла пари, Мэгги.

— Я знаю, папа, — кивнула Арина. — А теперь, если позволите, я устала. Завтра нужно готовить грядки под новую рассаду. Бизнес не ждет.

Она развернулась и пошла в свою комнату, чувствуя спиной взгляды всей семьи. С этого дня в доме Клири больше никто не называл ее ребенком.

Фрэнк перехватил ее в коридоре. Он ничего не сказал — просто положил руку ей на макушку и слегка сжал, как делал, когда она была совсем маленькой. Но в его глазах Арина прочла не только гордость — там было еще что-то нечитаемое. Надежда?

Глава 7

Успех Арины изменил атмосферу в доме, но не исцелил Фрэнка. Огород давал деньги, но для Фрэнка это была очередная кабала. Да, он помогал сестре с поездками на рынок, таскал тяжелые мешки, но делал это с мрачной обреченностью, стиснув зубы. В остальные дни он молча выполнял тяжелую работу вместе с отцом, стараясь не смотреть Пэдди в глаза.

Единственное, что удерживало его от побега — это слово, данное Мэгги, и ее странная, пугающая вера в него.

Ему нужно было что-то свое.

Случай представился через неделю.

Арина и Фрэнк возвращались с рынка. Небо затягивало тяжелыми тучами, пахло близким дождем. Фрэнк правил лошадей, мрачно глядя на дорогу.

— Я так больше не могу, Мэгги, — сказал он вдруг глухо. — Я чувствую себя волком. Тяни, вези, молчи. Я хочу сбежать. Прямо сейчас. Бросить все к черту.

Арина напряглась. Она знала этот тон.

— И куда? Потерпи, Фрэнк. Нам нужен капитал.

— Мне плевать на капитал! Мне нужно... — он не договорил.

Они увидели мистера Хендерсона, зажиточного фермера, стоящего посреди поля над конной сеялкой. Машина стояла, накренившись, и выглядела мертвой. Хендерсон в бешенстве пинал колесо, двое его работников бестолково топтались рядом.

— Чертова железка! — орал он. — Дождь к вечеру, а эта дрянь встала!

Фрэнк притормозил лошадь. В его глазах, минуту назад пустых, зажегся огонек. Он смотрел на машину с жадностью. Для него механизмы были понятнее людей. Он видел рычаги, цепи, шестеренки и сразу понимал, как они должны работать вместе. Железо не предавало. Железо не смотрело на него с презрением, как Пэдди.

Прежде чем Арина успела что-то сказать, Фрэнк спрыгнул с телеги.

— У вас цепь привода слетела, — сказал он, подходя к машине. — И, похоже, звено лопнуло. Я могу посмотреть.

Хендерсон обернулся. Его взгляд скользнул по потертой одежде Фрэнка, по телеге, на которой осталась Арина.

— Ты кто такой?

— Фрэнк Клири. Сын Пэдди.

— Клири? — Хендерсон скривился. — Стригаль? Иди своей дорогой, парень. Мне нужен механик, а не погонщик овец.

Но Фрэнк уже стоял над механизмом, и что-то в его взгляде заставило фермера замолчать.

— Вот, — Фрэнк указал на разорванное звено цепи. — Металл устал, лопнул на изгибе. Нужно выковать новое звено и переклепать. У вас в хозяйстве есть кузня?

Хендерсон нахмурился.

— Есть. Но откуда тебе знать, как с ней обращаться?

— Знаю.

Арина спрыгнула с телеги и подошла ближе.

— Мистер Хендерсон, — сказала она спокойно. — Дождь начнется к вечеру. Если не засеете завтра — потеряете неделю, а то и больше. Механик из города приедет дня через три, не раньше. И возьмет с вас пять фунтов, а то и все восемь.

Фермер посмотрел на нее — маленькая рыжая девчонка с глазами взрослой женщины.

— А твой брат возьмет сколько?

— Полтора фунта, — сказал Фрэнк прежде, чем Арина открыла рот. — И вы даете мне рекомендацию, если кто спросит.

Хендерсон хмыкнул. Рекомендация ничего не стоила.

— А если не починишь?

— Починю.

— Дерзкий, — фермер прищурился. — Ладно. Но если доломаешь — будешь отрабатывать. Три дня на поле. Еда своя. Идет?

— Идет.

Они ударили по рукам. Рукопожатие было коротким, жестким — не как с равным, но как с тем, кого согласились испытать.

Работа началась.

Кузня Хендерсона была старой, закопченной, но исправной. Фрэнк разжег горн, и скоро сарай наполнился жаром и запахом горячего металла. Он выбрал подходящий прут, раскалил его докрасна и начал ковать.

Арина была рядом: качала мехи, подавала инструменты, держала клещи.

Хендерсон стоял в дверях, скрестив руки на груди. Он не помогал. Он наблюдал — как наблюдают за рабочей скотиной, проверяя, не врала ли она о своих умениях. Фрэнк чувствовал этот взгляд спиной и только молча стискивал зубы.

Удар. Еще удар. Металл подчинился его рукам. Здесь, у наковальни, Фрэнк был не сыном стригали, не мрачным неудачником — он был мастером. Его движения были точны, экономны. Он интуитивно знал, когда бить, когда поворачивать, когда охлаждать.

На полпути он замер. Звено получалось чуть толще, чем нужно, — не войдет в паз.

В голове зазвенел голос Пэдди: *«Куда тебе, бестолочь»*.

Арина заметила его заминку. Ее рука на мехах замерла, но она ничего не сказала.

Фрэнк выдохнул. Снова положил звено в огонь. Перековал тоньше, точнее. Третья попытка. Четвертая. Пот заливал глаза.

Наконец — вышло.

Когда он вернулся к сеялке, солнце уже клонилось к горизонту. Тучи висели низко, первые капли уже срывались с неба. Арина принесла керосиновую лампу из телеги.

Фрэнк продел новое звено, расклепал его, натянул цепь. Руки были черные от сажи и масла, обожженные в двух местах, но он не замечал боли.

— Заводите, — сказал он.

Хендерсон сам взялся за рычаг. Сеялка кашлянула, скрипнула — и ровно, мощно заработала. Цепь крутилась, механизм подавал семена.

— Черт меня подери, — выдохнул фермер. — Работает.

Он полез в карман и отсчитал деньги молча, не глядя в глаза. Но когда Фрэнк взял их, Хендерсон буркнул:

— Если жатка заклинит осенью — посмотришь. Заплачу.

Фрэнк кивнул. Полтора фунта лежали в его ладони — теплые от чужого кармана, пахнущие табаком. Это были его деньги. Не подачка, не плата за выносливость. Плата за то, что он умеет.

Когда они ехали домой, дождь уже шел — редкий, теплый, осенний. Фрэнк молчал, но это было другое молчание. Не мрачное, не давящее.

— Почему ты сказал полтора фунта? — спросила Арина. — Я думала назвать два.

— Полтора — честная цена, — ответил Фрэнк. — А рекомендация важнее лишних десяти шиллингов. Если Хендерсон скажет соседям...

— Он скажет, — кивнула Арина.

Они ехали молча еще какое-то время. Потом Фрэнк сказал:

— Знаешь, Мэгги, я сегодня весь день хотел выпить. Было так тошно.

— А теперь?

— А теперь хочу купить набор хороших ключей. Немецких. Видел в каталоге.

Арина молча положила голову ему на плечо. Дождь стучал по холсту телеги, и Фрэнк напевал себе что-то под нос — очень тихо, неумело, впервые за все эти годы.

Глава 8

Фиа стояла у окна и размышляла. Мэгги сказала ей не так давно, на кухне: «Если ты не заговоришь с ним сегодня, завтра он уйдет». Фиа ждала три дня. На четвертый увидела, как Фрэнк с утра стоял у дороги, глядя на запад — в сторону, где расположен порт. В его глазах было то, что и у нее, пятнадцать лет назад, когда она решила сбежать из дома. «Завтра будет поздно», — поняла Фиа.

Субботний вечер был непривычно тихим. Фрэнк сидел на крыльце, разбирая старые часы, которые принес сосед. Работа требовала точности, и его большие руки двигались с удивительной аккуратностью. Он был так поглощен делом, что не услышал, как открылась дверь.

— Фрэнк.

Он вздрогнул, чуть не уронив крошечную шестеренку. На пороге стояла Фиа. В руках она держала две чашки чая. Настоящего, крепкого, с молоком — роскошь, которую они позволяли себе редко.

Фрэнк напрягся. Мать никогда не выходила к нему просто так. Обычно это означало новое поручение или выговор.

Но она просто села на ступеньку рядом, аккуратно поджав ноги, и протянула ему чашку.

— Возьми. Ты работаешь уже три часа.

Фрэнк недоверчиво принял чай. Его пальцы, перепачканные маслом, казались черными на фоне белого фарфора.

— Спасибо, — буркнул он.

Они сидели молча, глядя на заходящее солнце. Фрэнк ждал. Он знал, что этот чай — не просто так.

— Ты хорошо починил сеялку Хендерсона, — вдруг сказала Фиа. Она смотрела не на него, а куда-то вдаль, за холмы. — У тебя талант.

— Пэдди говорит, что я просто вожусь с железками вместо настоящей работы, — горько усмехнулся Фрэнк.

— Пэдди не понимает всего, — тихо ответила Фиа.

Она замолчала. Фрэнк видел, как она собирается с духом — как перед прыжком в ледяную воду.

— Ты похож на него, Фрэнк, — сказала она наконец. — На своего настоящего отца.

Чашка в руках Фрэнка звякнула. Он замер, боясь дышать. В этом доме тема его рождения была табу.

— Не внешне, — продолжала Фиа, и в ее голосе зазвучали нотки той самой аристократки Армстронг. — Внешне ты... другой. Но умом — ты похож на него. Он тоже умел видеть суть вещей. Строил планы, когда другие видели только препятствия.

Фрэнк опустил голову.

— Я думал... — он запнулся, сглотнул. — Я думал, ты жалеешь. Что я родился.

Фиа не ответила сразу. Ее рука потянулась к его плечу — замерла в воздухе — и все-таки легла. Легко, почти невесомо.

— Я молчала пятнадцать лет, — голос Фии дрогнул. — Молчала, потому что боялась. Боялась, что если заговорю, то... — она запнулась, сглотнула. — Что ты посмотришь на меня и увидишь то, что видят все.

Она не договорила. Но Фрэнк понял.

— Ты — не ошибка, Фрэнк. Ты — лучшее, что я создала. И я... — ее голос надломился. — Я горжусь тобой.

Фрэнк поднял глаза. В них стояли слезы, которые он не позволял себе с пяти лет.

— Ты гордишься? Мной?

— Тобой. Тем, как ты защищаешь Мэгги. Тем, как ты заставил работать эту чертову машину. Тем, что ты не сдался.

Фрэнк долго молчал. Потом поставил чашку и наклонился, ткнувшись лбом в плечо матери. Как мальчишка, который давно разучился плакать, но не разучился нуждаться в материнской нежности.

— Я не ненавижу тебя, мам, — выдавил он наконец. — Я бы никогда... — его голос дрогнул и он опять замолчал.

Фиа не шевелилась. Только ее рука медленно поднялась и легла ему на затылок.

— Я устала молчать, — прошептала она. — Пора что-то менять.

Они сидели так, пока солнце не село за холмы.

Фиа убрала чашки. Помыла их в ледяной воде, вытерла, поставила на полку. Обычные движения, но теперь они ощущались иначе — не как тюремный ритуал, а как завершение чего-то. Или начало.

Часы, которые разбирал Фрэнк, лежали на столе — собранные, тикающие. Он закончил работу. Фиа постояла над ними, слушая ровный механический стук, и пошла в спальню.

Ночью, когда дом уже спал, начался другой разговор.

Пэдди лежал на спине, глядя в темноту. Он чувствовал, как меняется воздух в его доме. Он больше не был единственным хозяином. Его дети выросли, и у них появились зубы.

— Пэдди, — голос Фиа в темноте прозвучал неожиданно громко.

— Спи, женщина. Завтра рано вставать.

Его обычная реакция. Но сегодня она не сработала.

— Мэгги говорила — мы засиделись, — продолжила Фиа, игнорируя его ворчание. — Я не хотела слушать. Но она права, Пэдди.

Пэдди фыркнул.

— Опять ты про Мэгги. Девчонка нахваталась вершков, заработала пару фунтов и возомнила себя королевой. Это пройдет. Замуж выйдет — забудет.

— Не забудет, — возразила Фиа. — Она не такая, как я была. Она не сломается. И Фрэнк не сломается. Если все оставить как есть, он не останется здесь, Пэдди. Он уйдет. И если он уйдет со злом, мы потеряем его навсегда. А нам нужны его руки. И его голова.

Пэдди повернулся на бок, скрипнув кроватью.

— И что ты предлагаешь? Кланяться ему? Он живет в моем доме...

— Он приносит в твой дом деньги, — перебила Фиа. — Реальные деньги. Семь фунтов Мэгги, заказы Фрэнка... Мы впервые за десять лет купили мясо не на праздник. Если мы хотим сохранить семью, нам нужно расти. Перестань давить на парня. Признай, что он вырос.

Пэдди молчал долго. Он был упрямым ирландцем, но не дураком. Он видел реальные деньги, которые принесла его малышка... И, хм, Фрэнк.

— Ты стала слишком много говорить, Фиа, — наконец пробурчал он, но в его голосе не было злости. — Сговорились вы все против меня. Ладно. Пусть чинит свои железки. Лишь бы со стрижкой овец помогал исправно.

Фиа улыбнулась в темноту. Это была победа. Маленькая, но важная. Лед тронулся.

В соседней комнате Арина лежала с открытыми глазами и слушала приглушенные голоса за стеной. Слов она не различала. Но тон — тон был другим. И он ей нравился. Она повернулась на бок и закрыла глаза. Механизм наконец заработал.

Глава 9

Дом Клири, обычно шумный и суетливый, по вечерам затихал, но жизнь кипела в каждом углу тесной кухни.

Пэдди сидел у очага, протянув уставшие ноги к огню, и читал газету, время от времени зачитывая вслух цены на шерсть. Фрэнк, устроившись за столом под керосиновой лампой, перебирал какой-то сложный механизм — очередной заказ на ремонт от соседей. Боб и Джек играли на полу, азартно шлепая замусоленными картами, пока Хьюги пытался вырезать свисток из деревяшки. Малыши, Стюарт и Хэл, уже спали.

Фиа, как всегда, сидела в своем кресле-качалке. Стук ее спиц был привычным ритмом этого дома, успокаивающим и вечным. Она вязала быстро, не глядя, создавая грубые, но теплые носки и свитера из домашней шерсти.

Арина, делая вид, что штопает чулок, наблюдала за руками матери. Длинные, изящные пальцы двигались с автоматической точностью.

Такой талант пропадает на носках, — подумала она. *— В мое время за ручную работу такого уровня платили безумные деньги. А здесь — носки.*

— Мама, — позвала она негромко, чтобы не мешать Пэдди. — А ты умеешь вязать что-то другое? Не носки.

Фиа на секунду остановилась. Боб бросил карту и прислушался — разговоры Мэгги с матерью в последнее время стали намного интереснее, чем привычная игра.

— Что-то другое? — переспросила Фиа, не поднимая глаз.

— Да. Что-то красивое. Тонкое. Например, шаль. Тоненькую и кружевную, как паутина.

Фиа позволила себе легкую усмешку, но глаза ее оставались грустными.

— Из этой шерсти? Мэгги, для этого нужна более тонкая пряжа. И спицы не такие толстые, как мои. У нас этого нет.

— А если будет? — не унималась Арина. — Спицы может сделать Фрэнк. И я видела в лавке, в городе, моток белой шерсти. Тонкой, мягкой. Если мы купим ее, ты сможешь?

— Это дорого, — отрезала Фиа. — И глупо. Кто здесь будет носить кружевные шали? Овцы?

— Не овцы. Люди. Богатые люди, мама.

Арина взяла лист бумаги и карандаш.

— Смотри.

Она начала рисовать. В прошлой жизни она не была художником, но схематично изобразить узор могла. Она вспомнила шаль, которую видела в модном журнале — сложный узор из листьев и шишечек, воздушный и элегантный.

Фиа отложила вязание и склонилась над рисунком. Даже Хьюги перестал строгать, вытянув шею, чтобы посмотреть.

— Это... — Фиа провела пальцем по бумаге. — Откуда ты его знаешь? Это шотландский ажурный узор. Сложно. Очень сложно.

— Но ты сможешь? — проигнорировав первый вопрос, спросила с надеждой Арина.

Фиа посмотрела на свои огрубевшие руки.

— Я не вязала подобное уже очень давно. Руки забыли.

— Руки помнят, — твердо сказала Арина. — Давай попробуем. Один раз. Я куплю пряжу на свою долю с огорода. Если не получится — я больше не заикнусь о подобном.

Фрэнк сделал спицы из стальной проволоки и аккуратно заточил их. Тонкие, гладкие, просто идеальные. Фиа покатала одну между пальцами и задумчиво посмотрела на сына. В ее глазах на мгновение отразилась гордость за своего мальчика.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Фрэнк пожал плечами, но уголок его рта дрогнул.

Первый вечер Фиа распустила начатый ряд четыре раза. Пальцы не слушались — слишком привыкли к толстым спицам и грубой шерсти. Тонкая нить путалась и как будто ускользала из ее пальцев.

— Бесполезно, — сказала она, откладывая работу.

— Завтра попробуешь снова, — спокойно ответила Арина.

Фиа не показывала работу никому, кроме нее. Не потому, что Пэдди запретил бы — он бы просто не понял. А она не могла вынести мысль, что кто-то увидит, как она пытается и не справляется с этим.

На пятый день что-то щелкнуло. Фиа вязала после ужина, когда все легли, при свече, и ее пальцы вдруг нашли ритм — тот самый, из прошлой жизни. Узор начал расти, и Фиа не заметила, как за окном рассвело.

Арина, проснувшись на рассвете, нашла мать в кухне. Фиа сидела над работой, глаза красные от недосыпа, но в них горел огонь, которого Арина не видела никогда.

— Получается, — сказала Фиа хрипло. — Получается, Мэгги.

Через три недели работа была закончена.

Фиа сотворила чудо своими руками. Шаль получилась белоснежной и невесомой, а узор переплетался так хитро, что казалось, будто это иней на стекле.

Арина осторожно взяла ее в руки.

— Это шедевр, мама. Настоящее искусство.

Фиа пожалала плечами, но уголки ее губ дрогнули в полуулыбке.

В субботу Арина отправилась в город, но не на рынок, а к миссис Эшби. И на этот раз не с корзиной овощей, а с небольшим свертком, завернутым в чистую ткань.

— Доброе утро, Мэгги, — хозяйка дома была в хорошем расположении духа (редис Клири был великолепен). — Чем удивишь сегодня? Тыквой размером с карету?

— Лучше, мэм. У меня для вас есть то, чего нет ни у одной женщины в этом городе.

Арина развернула сверток. Белая шаль легла на темный стол, словно морская пена.

Миссис Эшби ахнула. Она протянула руку и осторожно коснулась кружева.

— Какая тонкая работа...

— Это работа моей матери, Фионы Клири, — сказала Арина. — Уникальный узор. Ручная работа. Такой второй не найдете во всей Новой Зеландии.

— Твоя мать? Жена Пэдди? — миссис Эшби посмотрела на Арину с недоверием. — Я думала, она... простая женщина.

— Моя мать — мастерица, — с достоинством ответила Арина. — У нее талант, который не все могут оценить по достоинству. Пока...

Миссис Эшби набросила шаль на плечи и подошла к зеркалу. Она поворачивалась, разглядывая себя, и Арина видела, как жадность борется с осторожностью.

— Сколько? — спросила миссис Эшби, не отрывая глаз от зеркала.

— Полтора фунта, мэм.

— Фунт, — автоматически ответила дама.

— Полтора. Это ручная работа, мэм. Три недели кропотливого труда. Она стоит гораздо больше. Но вам, как первому покупателю, я предлагаю ее с большой скидкой.

Миссис Эшби сняла шаль, сложила, снова развернула. Провела пальцем по узору. Потом вздохнула.

— Хорошо. Полтора. А она может связать еще, например, другом цвете... для моей сестры?

— Мы обсудим с мамой срок выполнения вашего заказа и варианты расцветок, мэм, и я вам сообщу, — уверенно кивнула Арина.

Домой Арина летела как на крыльях.

Она нашла мать в курятнике. Фиа собирала яйца.

— Держи, — Арина протянула ей деньги. Полтора фунта серебром.

Фиа уставилась на монеты. Она не брала в руки своих денег с тех пор, как вышла замуж.

Все деньги были у Пэдди.

— Она купила? — прошептала Фиа. — За столько???

— Она была в полном восторге. И она хочет еще. Я думаю, что другие женщины в городе тоже захотят такую красоту. Мама, у тебя теперь будут постоянные заказы!

Фиа медленно сжала кулак, пряча монеты. Ее глаза заблестели.

— Я... я куплю крем, — вдруг сказала она, глядя на свои руки. — Глицериновый. В аптеке.

— Купи, — улыбнулась Арина. — Купи самый лучший. И душистое мыло! И еще... купи ситец. Голубой. Мне нужно новое платье. Внешний вид должен соответствовать предлагаемому товару.

Фиа посмотрела на дочь. В груди у нее разливалось незнакомое тепло. Впервые за все годы она увидела в ней не обузу. А, возможно, очень близкого человека.

— Хорошо, Мэгги. Будет тебе платье. Самое красивое в Новой Зеландии!

Вечером Фиа впервые за пятнадцать лет мыла руки душистым мылом. Она терла их долго, тщательно, словно смывала не грязь — а годы. А потом так же долго и аккуратно втирала в свою кожу глицериновый крем для рук.

Глава 10

Арина сидела за столом, сводя дебет с кредитом в своей тетради. Она подняла голову и огляделась. За год эта кухня изменилась так, что иногда ей казалось — она снова попала назад, в свое настоящее время.

На окнах висели чистые занавески, на столе — свежая скатерть. Фиа сидела в кресле-качалке, в строгом приталенном платье, красиво причесанная, и вязала очередную шаль. Она даже начала улыбаться. Иногда. Из сарая доносился стук молотка — Фрэнк работал над очередным заказом. За стеной спорили Боб и Джек, решая, на что потратят свою долю с продажи овощей и зелени. Мальчишки не смогли устоять перед возможностью заработать реальные деньги и тоже присоединились к огородному бизнесу Арины.

Два раза в неделю теперь приходила толстая, румяная Марта, которая брала на себя самую грязную работу. Фиа больше не стирала белье до кровавых мозолей. Заказы на шали стали регулярными — миссис Эшби так расхвалила работу Фионы Клири, что очередь была расписана на месяц вперед.

Фрэнк превратил старый сарай в мастерскую. Раздобыл подержанный верстак, набор немецких ключей и тиски. Выменял у старика Хендерсона ручное точило за починку молотилки. Он больше не пил и не смотрел на отца волком. На это ему просто не хватало времени. А еще у него появилась цель: он копил на билет в Америку, чтобы учиться на инженера.

Пэдди все еще ворчал, что «бабы командуют», но в голосе его не было злости, только скрытое удовлетворение. Его семья стала значительно выделяться на фоне остальной бедноты. Он смог позволить себе купить новую лошадь и даже начал откладывать деньги в банк. Пусть понемногу, но все же!

— Плюс три фунта за тыквы, минус семена... — пробормотала тихонько Арина, возвращаясь к записям. — Итого в кубышке почти пятьдесят фунтов.

Год назад вся семья жила на шесть фунтов в месяц. Теперь у них были накопления.

В дверь постучали. Это был почтальон.

— Письмо для мистера Клири! Из Австралии!

Пэдди принял конверт. Бумага была дорогой, плотной, с водяными знаками. Почерк — размашистый, властный.

— От Мэри, — сказал он, и голос его дрогнул. — От сестры.

В доме повисла тишина. Все знали про богатую тетку из далекой Австралии, но никто никогда ее не видел.

Пэдди вскрыл конверт ножом. Он читал медленно, шевеля губами. Его лицо постепенно менялось: от полного недоверия до удивления, а потом и восторга.

— Фиа! Дети! — воскликнул он, опуская письмо. — Она зовет нас! Мэри зовет нас в Дрохеду! — Обычно скупой на эмоции, он сильно удивил всю семью.

— Зачем? — спросил Фрэнк, появляясь в дверях и вытирая руки чистой тряпицей.

— Управляющим! Ее старый управляющий умер. Она пишет, что устала, что ей нужен родной человек. Она предлагает мне место. Жалование... — он заглянул в письмо, — Боже милостивый! Жалование, дом, полное содержание! Это шанс! Мы уедем отсюда! Мы будем жить как короли!

Братья загомонили. Австралия! Дрохеда! Это звучало как сказка.

Фрэнк не сказал ни слова. Но Арина видела, как неосознанно напряглись его пальцы. Америка. Инженерный колледж. Его мечта... летела в пропасть.

Только Арина молчала. Она смотрела на письмо, лежащее на столе, как на ядовитую змею.

Она знала, что там написано. И она знала, чего там нет.

В книге, которую она читала в другой жизни, все было просто: Клири бросали все и ехали. Как нищие родственники на поклон к богатой старухе. Пэдди становился наемным работником у собственной сестры, а Мэри Карсон играла ими, как куклами. Потом появлялся Ральф де Брикассар, и начиналась та самая история — про птицу и терновник.

Но теперь у них были накопления. У них были свои цели, свои ниши. И у них было достоинство, которое может растоптать эгоистичная старуха.

— Папа, — сказала Арина тихо, но ее услышали все и шум стих. — Не спеши радоваться.

— Что? — Пэдди посмотрел на нее. — Мэгги, ты в своем уме? Это Дрохеда! Самое большое поместье в Новом Южном Уэльсе!

— Я понимаю, папа. Но давай посмотрим внимательнее.

Она взяла письмо.

— Она предлагает тебе место управляющего. Не партнера. Не совладельца. Наемного работника. Ты будешь работать на нее, почти так же, как работаешь сейчас на других фермеров. Только теперь твоим хозяином будет твоя сестра. А с родственниками работать сложнее всего.

— Она моя кровь! — в запале ответил Пэдди. — Она не обидит!

— Она богатая женщина, Пэдди, — вмешалась Фиа. Она отложила вязание и смотрела на мужа серьезно. — А богатые женщины не зовут родственников из жалости. Им нужен кто-то, кем можно управлять. Мы здесь встали на ноги. У нас есть деньги. Фрэнк зарабатывает, я зарабатываю, Арина, мальчики... Мы свободны. А там мы будем зависеть от ее милости.

Пэдди растерянно посмотрел на жену, потом на дочь. Его мечта о легкой жизни столкнулась с прагматизмом его женщин.

— И что вы предлагаете? Отказаться? Отказаться от Дрохеды?

— Нет, — сказала Арина. — Отказываться глупо. Дрохеда — это миллионы. Но ехать туда на правах бедных родственников мы не будем.

Она помолчала, подбирая слова.

— Папа, давай поговорим. Все вместе. Как семья. Это слишком важно, чтобы принимать такое решение за всех нас, в одиночку.

Пэдди посмотрел на своих сыновей, на жену, на маленькую рыжую дочь, в глазах которой горел холодный огонь.

— Ладно, — выдохнул он, садясь во главе стола. — Все сюда. Садитесь. Будем думать, как не продешевить.

Фрэнк шагнул в комнату. Его лицо казалось непроницаемым, но внутри бушевал ураган. Он поймал взгляд Арины. В нем был невысказанный вопрос: *Как же я? Как мы...*

Арина едва заметно кивнула. *Подожди. Мы что-нибудь придумаем. Верь мне.*

Глава 11

Вечер выдался душным. Лампа над столом гудела, привлекая внимание ночных мотыльков.

Скатерть на столе была отглажена до хруста. В центре лежало то самое письмо с австралийской маркой.

Пэдди сидел во главе, строго выпрямив спину. Он надел пиджак, хотя в доме было жарко. Фиа сидела по правую руку, сложив руки на коленях. Фрэнк — по левую, мрачный и напряженный, как сжатая пружина. Арина устроилась с краю, держа наготове остро заточенный карандаш и свой «бухгалтерский» блокнот для записей. Мальчишки — Боб, Джек, Хьюги — притихли на лавке, чувствуя общую атмосферу дома. Стюарт и Хэл сидели в углу, не смея даже пикнуть.

Пэдди откашлялся, прочищая горло.

— Итак, — начал он торжественно. — Мы собрались, чтобы решить судьбу семьи Клири. Мэри, моя сестра, зовет нас в Австралию. В Дрохеду.

Он внимательно обвел взглядом присутствующих.

— Это не просто переезд. Там — тысячи акров земли. Овцы, шерсть, простор. Мэри пишет, что она старая и одинокая. Ей нужна семья. Ей нужен я.

Фрэнк резко отодвинул стул. Скрежет ножек по полу прозвучал как выстрел.

— Ей нужен ты, отец. А мне это зачем?

Пэдди нахмурился.

— Это шанс для всех нас, Фрэнк.

— Шанс на что? — Фрэнк вскочил и начал нервно ходить по кухне. — Опять стричь чужих овец? Опять гнуть спину на хозяйку? У меня здесь клиенты. У меня мастерская. Репутация. Я только начал жить, отец! Я копил на билет в Америку и учебу. Я не хочу снова попасть в кабалу, только теперь на другом континенте.

Он остановился и посмотрел на мать.

— Я не поеду. Я останусь здесь.

Фиа побледнела. Ее пальцы вцепились в край скатерти.

— Но, Фрэнк... Ты не можешь остаться один.

— Я уже взрослый, мама! — отрезал он.

— Сядь, Фрэнк, — тихо сказала Фиа. — Пожалуйста...

Она перевела растерянный взгляд на мужа.

— Пэдди, ты не видел Мэри сорок лет. Люди меняются. Богатые люди меняются особенно сильно. Она привыкла даже не командовать, а повелевать. Если мы продадим здесь все, бросим налаженный быт и приедем туда как бедные родственники, мы будем у нее в заложниках. Я не хочу, чтобы мои дети были приживалами. Я не хочу зависеть от милости твоей сестры. Она для нас, по сути, чужой человек.

Пэдди просто онемел от ее слов. Ладно, Фрэнк. Но от своей жены он явно ожидал поддержку, восторг, но не такое.

— Но как вы не понимаете? Это же Дрохеда! — наконец возмутился он, но уже менее эмоционально. — Это богатство!

— Это ее богатство, папа, — вступила в разговор Арина. — Не наше. И будет ли оно нашим когда-нибудь, под большим вопросом.

Она открыла блокнот и разделила лист на две колонки.

— Смотрите. Здесь, в Новой Зеландии, у нас есть: дом (пусть плохой, но свой), огород, клиенты Фрэнка, заказы мамы, твоя работа. Мы независимы. В Австралии у нас будет: жало-

ванье (размер неизвестен), жилье (какое — неизвестно) и хозяйка, которая может выгнать нас в любой момент.

— Она не выгонит! Она моя родная кровь! — ударил кулаком по столу Пэдди.

— Родня ссорится чаще всего, — парировала Арина.

Она повернулась к Фрэнку.

— Фрэнк, сядь пожалуйста. Послушай меня. Америка — это хорошо. Но Америка далеко, и ты хочешь ехать туда один. Без поддержки. Одному будет трудно, очень трудно пробиться, тем более чужаку. Даже если у тебя будут деньги... Их в незнакомой стране всегда не хватает. И вместо учебы ты будешь таскать мешки в порту или хвататься за любую черную работу, пока не пробьешься.

Фрэнк угрюмо промолчал, но сел на свое место.

— А теперь послушай про Дрохеду. Это огромное поместье. Там сотни миль изгородей, которые нужно чинить. Водокачки, ветряные мельницы, конные машины, машины для стрижки. У богатой вдовы наверняка есть и автомобиль, и насосы, и бог знает что еще. Кто все это обслуживает? Ей будет нужен человек, который разбирается в механизмах. Это ты, Фрэнк. А учиться можно и там.

Она немного помолчала, давая словам осесть в голове брата.

— И ты будешь не один — у тебя будет поддержка всей семьи. Не понравится — наберешься опыта, заработаешь денег и уйдешь. Там и университет есть, в Сиднее. А потом, если захочешь, поедешь в Америку — но уже инженером, а не разнорабочим.

Фрэнк посмотрел на свои руки. Потом на Арину. Потом в окно, за которым стояла его мастерская.

Он молчал так долго, что Пэдди начал ерзать на стуле.

— Я подумал, — наконец сказал Фрэнк. — Но если там не будет мастерской — я разворачиваюсь и уезжаю. В Америку.

— Мастерская будет, мы пропишем ее в условиях договора, — кивнула Арина. — Пункт второй.

Она повернулась к отцу.

— Мы поедем, папа. Но на своих условиях. Мы не просим милостыни. Мы предлагаем свои услуги. Мы — команда. Ты — управляющий. Фрэнк — механик. Мама — могла бы быть экономкой, она умеет управлять домом или продолжит развивать свой бизнес. Я буду помогать тебе счета и работать с прочими бумагами.

— Условия? — Пэдди вытер пот со лба. — Ты хочешь ставить условия Мэри Карсон?

— Да. И мы напишем их прямо сейчас.

Арина подвинула бумагу к матери.

— Мама, пиши. У тебя самый красивый почерк.

Это заняло больше двух часов. Пэдди то краснел, то бледнел, но внимательно слушал и не спорил.

— Пункт первый: Патрик Клири принят на должность управляющего с жалованием не ниже... — Арина назвала сумму, от которой Пэдди побледнел, — ...и с ежегодной премией по результатам каждого сезона стрижки.

— Премия?! — ахнул Пэдди. — Она меня убьет!

— Она тебя зауважает. Это справедливо: хорошо поработал — получил больше. — Арина продолжила: — Пункт второй: Фрэнсис Клири принят на должность механика поместья с отдельной мастерской, необходимыми инструментами (список прилагается) и жалованием, равным жалованию старшего стригалю.

Фрэнк хмыкнул, но одобрительно.

— Пункт третий: Семье предоставляется отдельный дом, пригодный для проживания, а не барак для рабочих.

— Пункт четвертый: Проезд всей семьи и перевозка имущества оплачивается принимающей стороной. Приличные каюты, не ниже второго класса.

Фиа закончила писать и отложила перо. Письмо выглядело как деловое предложение и ультиматум одновременно.

— Если мы отправим это, — тихо сказал Пэдди, — назад дороги не будет. Она либо согласится, либо пошлет нас к черту.

— Если она пошлет нас к черту из-за делового предложения, — сказала Арина, закрывая блокнот, — значит, она искала рабов. Тогда нам там делать нечего. Мы останемся здесь и станем богатыми сами.

— Отправляй, отец, — сказал Фрэнк. Он встал и положил руку на плечо Пэдди. Впервые за годы это был жест поддержки, а не угрозы. — Рискнем.

Месяц ожидания тянулся как резина.

Пэдди стал дерганым, и подолгу высматривал почтальона с крыльца дома. Фрэнк практически переселился в свою мастерскую и работал там до глубокой ночи, чтобы не думать. Фиа вязала, взяв гораздо больше заказов, а ее спицы стучали как пулемет.

Очередным вечером Пэдди вернулся с улицы опять с пустыми руками. Фиа, не поднимая глаз от вязания, сказала:

— Она ответит, Пэдди. Обязательно ответит.

— А если нет?

— Тогда мы останемся здесь. Сейчас мы ничего не теряем.

Пэдди посмотрел на жену с благодарностью за слова поддержки. Еще год назад она бы просто не заметила его волнение и молчала как обычно.

Только Арина была спокойна. Она помнила Мэри Карсон — из той, другой жизни, где эта семья была всего лишь придуманной историей. Старая паучиха любила силу и презирала слабость. Письмо Клири должно было ее заинтересовать.

Ответ пришел в дождливый вторник.

Толстый конверт с гербовой печатью.

Пэдди вскрыл его дрожащими руками. Он пробежал глазами первые строки и медленно опустил на стул.

— Ну?! — не выдержал Фрэнк.

Пэдди поднял глаза. На его лице играла широкая, шальная улыбка.

— Она согласна.

— На все? — уточнила Арина.

— На все! — Пэдди рассмеялся и ударил ладонью по столу. — Она пишет: «Наконец-то в породе Клири проснулась ирландская наглость. Приезжайте, черти, билеты куплены».

В кухне раздались крики радости. Мальчишки прыгали, Фиа плакала и смеялась, обнимая мужа. Фрэнк подмигнул Арине.

— Ты была права, мелкая. Мы едем в Австралию.

Арина улыбнулась, но внутри она уже считала шаги до встречи с Мэри Карсон. И до встречи с человеком, который в другой истории разбил сердце Мэгги Клири.

Только не в этой жизни, — подумала она. — В этой жизни все будет иначе.

Глава 12

Дом Клири был похож на разоренное гнездо. Полы опустели, эхо гуляло по комнатам, и даже привычная возня мальчишек не могла заглушить странную, щемящую пустоту. Оставалось упаковать последнее — то, что не продали и не раздали.

Арина укладывала книги в дорожный сундук. Шекспир, Диккенс, томик стихов Йейтса — единственное, что Фиа читала, когда позволяло время. Книги были старые, с золотыми обрезками, пахнувшие другой жизнью — табаком, дождем и чем-то неуловимо далеким, как Сидней, которого Арина еще не видела.

Она подняла голову и увидела мать.

Фиа стояла перед огромным комодом красного дерева, который занимал полстены в спальне. Он был массивным, темным, с бронзовыми накладками и резными ножками — чужеродный артефакт в этом грубом доме. Фиа гладила его полированную поверхность кончиками пальцев, и в ее глазах была странная тоска — не боль, а скорее прощание.

Арина подошла ближе, вытирая пыльные руки о передник.

— Тяжелый, — сказала она, оценивающе оглядывая комод. — Фрэнк и Пэдди надорвутся, пока вытащат его. А потом грузчики в порту. Перевозка такой махины будет стоить как билет первого класса.

Фиа вздохнула — тихо, одними плечами.

— Это мое приданое, Мэгги. Отец подарил мне его на восемнадцатилетие. И кресла. И секретер. Они моя память.

— Память о чем? — мягко спросила Арина. Она не давила, но в ее голосе уже звучали стальные ноты, которые Фиа научилась улавливать в последнее время. — О том, как они выставили тебя за дверь? О прошлом, которое причиняет боль?

Фиа отдернула руку, словно дерево обожгло ее.

— Ты не понимаешь...

— Объясни.

Фиа молчала. В кухне за стеной громыхнула крышка кастрюли — миссис Смит, нанятая на время сборов, ворчала на непослушную плиту. За окном Боб и Джек спорили, какой сундук грузить первым. Обычный шум уходящей жизни.

— Там, в Дрохеде, наверняка полно мебели, — продолжила Арина, не дождавшись ответа. — Мэри Карсон богата. Зачем нам везти туда старые вещи? Чтобы они напоминали тебе о Новой Зеландии и бедности? Или о том, кем ты была раньше?

— А кем я была? — тихо спросила Фиа.

Голос у нее дрогнул. Вопрос был не риторическим.

— Аристократкой, которую предали, — Арина взяла мать за руку. Ее детские пальцы были теплыми и цепкими. — Мама, оставь это здесь. Продай. Пусть эти вещи останутся в прошлом. Начни с чистого листа.

Фиа посмотрела на комод. Долго. Так долго, что Арина уже хотела сказать что-то еще. Но вдруг лицо матери изменилось — будто она сбросила невидимый груз.

— Ты права, — сказала она неожиданно легко, даже с ноткой удивления. — Это просто дерево. Дорогое, но всего лишь дерево.

Она повернулась к дочери. Глаза у нее заблестели — то ли от слез, то ли от собственной решимости.

— Знаешь, Мэгги, у меня ведь не только мебель осталась.

Арина насторожилась.

— Что еще?

— Деньги. Пятьсот фунтов.

Арина чуть не выронила томик Диккенса.

— Сколько?! — переспросила она, надеясь, что ослышалась. И переспросила очень тонким, ломающимся голосом. — Пятьсот фунтов стерлингов?

— Да. Они лежат в банке Веллингтона на моем имени. Отец дал мне их, когда я уезжала. Это были... отступные.

Фиа произнесла это слово так, будто пробовала его на вкус — горький, давно забытый.

— И мы все это время жили почти в нищете?! — Арина почувствовала, как закипает злость — горячая, почти физическая. Она подавила ее усилием воли. Не сейчас. Сначала факты. — Мы ели самую дешевую еду, ходили в обносках, а у тебя в банке лежало целое состояние?! Мама, почему?

— Пэдди запретил, — просто ответила Фиа. — Он сказал, что не возьмет ни пенса. Он сказал, что прокормит семью сам. Эти деньги — на черный день. Или наследство для вас.

Арина осела на сундук и тяжело задышала, будто ей не хватало воздуха. Как она могла забыть про эти деньги?

Пятьсот фунтов. В 1916 году на эти деньги можно было купить небольшую ферму. Или дом в пригороде Веллингтона. Или оплатить десять лет учебы в университете.

Черный день был вчера, — подумала она, сжимая кулаки. — И позавчера. И десять лет назад.

— Мама, — сказала она вслух, и голос ее уже звучал ровно и холодно, — мы заберем эти деньги с собой. Сегодня же.

— Пэдди не согласится.

— Согласится.

Арина встала. Она была в старой домашней юбке, перепачканной пылью, с растрепанными косами. Но в том, как она расправила плечи, Фиа узнала ту самую девочку, которая торговалась с миссис Эшби и ставила условия Мэри Карсон.

— Я с ним поговорю.

Разговор с Пэдди получился коротким, но бурным, как летняя гроза.

Он кричал. Топал ногами и махал руками. Он кричал о чести, о гордости и о том, что ему не нужна подачка Армстронгов. Он метался по кухне, не зная, куда выплеснуть свою ярость, пока Фрэнк, сидевший в углу с какой-то железкой, с интересом наблюдал за ним.

— Это не подачка Армстронгов, папа! — Арина не кричала. Она говорила громко, чеканя каждое слово, как судья, зачитывающий приговор. — Это деньги мамы! Ее страховка! Ты хочешь приехать к сестре с голой задницей? Чтобы она смотрела на нас как на бедных родственников? Или ты хочешь приехать как партнер, человек, у которого есть свой капитал?

Пэдди замер. Аргумент про сестру сработал, но не до конца.

— А если она узнает, откуда деньги? — прохрипел он. — Что тогда?

— А что она сделает? — парировала Арина. — Откажется от нас? Мы ей нужны больше, чем она нам. У нее нет никого, кроме нас. А если она все же откажет — мы купим свою ферму. На эти деньги. Свою, папа. Где ты будешь хозяином, а не управляющим.

Пэдди несколько раз сжал и разжал кулаки, потом медленно опустил их. Он смотрел на дочь — маленькую, рыжую, с глазами, в которых горел холодный огонь. Он словно пытался понять, когда именно его дочь стала старше его самого? И вдруг усмехнулся — горько, но с видимым облегчением.

— Черт с тобой, Мэгги, — сказал он, вытирая пот со лба. — Ты права. Черт с тобой. Но я до этих денег не дотронусь. Ни пенса. Они пойдут только вам и матери.

— Идет, — кивнула Арина.

В тот же день Фрэнк привез местного скупщика антиквариата — тощего, остроглазого человека с жесткими руками и мягким голосом. Он долго цокал языком, осматривая комод и кресла, пытаясь сбить цену, ныл о трудностях с вывозом и падающем рынке.

Арина торговалась как дьявол. Она не уступала ни пенни, пока старик не вздохнул и не вытащил бумажник.

В итоге мебель ушла за сумму, от которой Пэдди присвистнул, а Фрэнк одобрительно хмыкнул.

На следующее утро Пэдди уехал в Веллингтон — закрывать счет. Арина ждала его возвращения с необычным для себя чувством тревоги. Такая огромная сумма наличными... Страшно.

Пэдди вернулся к вечеру, когда солнце уже садилось за холмы. В руках у него был не мешок с деньгами, а тонкий конверт из плотной, дорогой бумаги.

— Это все? — не удержалась Арина.

— Все, — Пэдди протянул ей конверт. — Точнее, все, что от них осталось.

Она открыла конверт. Внутри лежал листок, похожий на чек, но большего размера, с водяными знаками и несколькими подписями.

«Bank of New Zealand, Wellington. Pay to the order of Fiona Cleary the sum of Five Hundred Pounds sterling...»

— Банковский драфт, — пояснил Пэдди, вытирая пот со лба. — Клерк в банке сказал, что везти такие деньги наличными — безумие. Этот листок стоит пятисот фунтов, но украсть его нельзя. Только предъявить в банке в Австралии.

— И кто его получит?

— Твоя мать. Или кто-то, кому она доверит. Клерк сказал, это называется «именной драфт». Так делают все, кто перевозит больше сотни фунтов.

Фиа, сидевшая за столом, взяла драфт в руки. Ее пальцы, все еще грубые от работы, дрожали.

— Пятьсот фунтов, — тихо сказала она. — Я и забыла, что это такое.

— Не забыла, мама, — Арина положила руку ей на плечо. — Ты просто ждала правильного момента.

Фрэнк, до этого молчавший в углу, подошел и заглянул через плечо Фиа.

— И как мы его обналичим?

— В любом банке в Сиднее, — ответила Арина, уже просчитывая варианты. — Или в Джилли, если там есть отделение. Но лучше в Сиднее — надежнее.

Она взяла драфт обратно в руки и аккуратно положила в свой блокнот, между страниц.

— Мы не будем везти его с собой в чемодане, — сказала она. — Мы отправим его по почте, заказным письмом, в банк Кроуфордов в Сиднее. На имя мамы. А когда приедем сами — заберем.

Пэдди посмотрел на нее с уважением и легким недоверием.

— Ты уверена, что это сработает?

— В книге, которую я недавно читала, делали именно так, — сказала Арина, не отводя глаз. — Драфты безопаснее наличных денег. И это дешевле, чем нанимать вооруженную охрану для чемодана с золотом.

— Разумное решение, — подал голос Фрэнк.

А Фиа улыбнулась — не открыто, такого она себе никогда не позволяла, но светло и как-то мечтательно.

Арина подошла к окну. За стеклом темнело, и в этом сумраке отражался ее силуэт.

«Пятьсот фунтов, — подумала она. — Хороший козырь. Главное — что мы едем не с пустыми руками. И Мэри Карсон это увидит.»

Она повернулась к семье, окинула их взглядом — уставшим, но спокойным.

— Завтра упаковываем последние вещи. Драфт надо отправить утром, до отъезда. Завтра будет долгий день.

Никто не спорил. Даже Пэджи.

Глава 13

Пароход издал прощальный гудок, от которого чайки в порту Веллингтона взмыли в серое небо белым облаком. На палубе стояла семья Клири в полном составе. Обычно в такие моменты эмигранты плачут, цепляясь взглядами за исчезающую родину, но Клири не плакали. Они стояли плотной группой, плечом к плечу, и смотрели на берег так, как смотрят люди, которые все взяли с собой.

— Прощай... — тихо сказал Фрэнк и сплюнул в воду.

Он отвернулся и больше не смотрел на берег.

Пэдди шмыгнул носом и отвернулся, делая вид, что следит за полетом чаек. Потом достал трубку, набил ее и долго возился с огнем, пряча лицо от ветра. Или от семьи.

— Добрая была земля, — пробормотал он наконец. — Хоть и тяжелая.

Фиа стояла рядом с мужем, прямая, как струна. На ней было новое дорожное платье и шляпка, купленные на деньги от продажи шалей. Она молча смотрела на удаляющийся берег, и выражение ее лица было таким, какое бывает у людей, закрывающих за собой дверь в дом, куда больше не вернуться.

В кармане у Фрэнка лежал тугой кошелек с деньгами от продажи инструментов, которые нельзя было взять с собой. Огород с налаженной клиентурой Арина уступила соседу — за сумму, которая заставила того покряхтеть, но согласиться. Вырученное она отдала на хранение старшему брату, и Фрэнк принял деньги молча, без вопросов, только кивнул и сунул кошелек во внутренний карман.

Они уезжали не с пустыми руками.

Каюты второго класса вызвали настоящий переполох у всех Клири, кроме Фиа и Арины.

— Смотрите! Вода из крана! Сама течет! И горячая! — вопил Хьюги, крутя ручки в умывальнике так яростно, словно пытался их оторвать.

Боб и Джек с благоговением трогали белые накрахмаленные простыни.

— Мы будем спать на этом? А если испачкаем?

— Не испачкаете, — отрезала Фиа. — Вы будете мыться каждый вечер. И только попробуйте забраться на кровать в обуви!

Стюарт, прижимая к себе книгу, тихо забрался на верхнюю койку и там остался — свесив ноги и уткнувшись в страницы, будто вокруг ничего не происходило. Хэл, напротив, носился по коридорам, пытаясь заглянуть в каждую дверь, пока Фиа не отловила его за шиворот и не отчитала так, что стюарт из соседней каюты выглянул проверить, все ли в порядке.

Арина наблюдала за матерью с тихим удивлением. Среди ковров и полированного дерева, среди медных ламп и занавесок с кистями Фиа преобразилась. Она не осматривалась — она возвращалась. Каждый ее жест говорил: я знаю, как устроен этот мир. Я в нем выросла.

За обедом в общем салоне — с длинными столами, белыми скатертями и официантами в форменных жилетах — Фиа устроила сыновьям урок, который они запомнили надолго.

— Хьюги, локти со стола. Джек, нож держат не так — вот так, за ручку, а не за лезвие. Боб, не чавкай. Стюарт, сядь прямо. Мы едем к богатой родственнице, и я не позволю вам вести себя как дикари. Вы — Клири. Запомните это.

Она не повышала голос. Ей не нужно было.

Пэдди сидел притихший, стараясь не перепутать вилки, и украдкой поглядывал на жену. Он смотрел на нее так, словно увидел впервые, — или, точнее, словно вспомнил. Такой она была в тот день, когда он увез ее из отцовского дома. Прямая спина. Уверенные руки. Голос, которому подчиняются не из страха, а из уважения.

Фрэнк за столом не было.

Он пропадал у дверей машинного отделения — тяжелой стальной переборки с табличкой «CREW ONLY», за которой гудело сердце корабля.

Внутри его не пускали — правила есть правила, пассажирам туда хода нет. Но он стоял у прохода часами, прислонившись плечом к теплой стальной стене, впитывая каждый звук. Поршни ходили ходуном, валы вращались, пар со свистом вырывался из клапанов. Он не понимал, как все это работает. Он чувствовал.

Иногда кто-то из механиков, выходя покурить, отвечал на его вопросы — коротко, снисходительно. Но Фрэнк запоминал каждое слово, каждое название: шатун, коленвал, конденсатор. Он повторял их про себя, как молитву.

Вечером Арина нашла его на корме. Он сидел на бухте каната, обхватив колени руками, и смотрел на кильватерный след — белую борозду, которую пароход оставлял в темной воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.